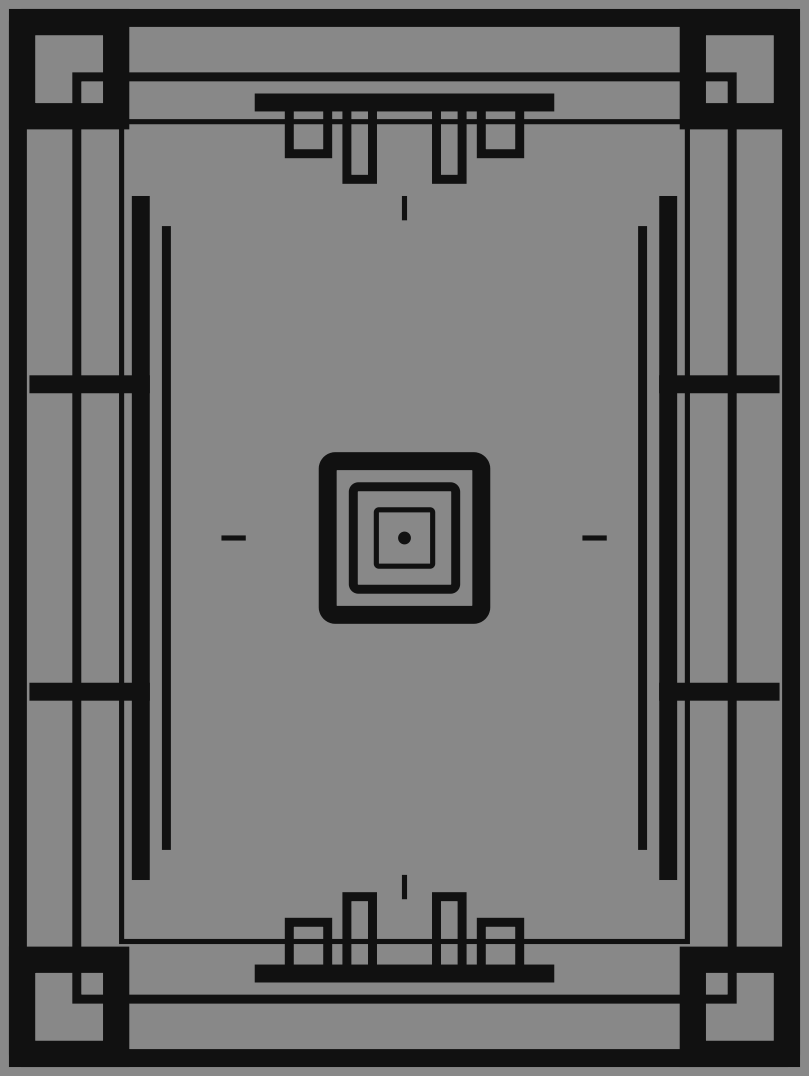

Прожигатель жизни
О. Генри

Аннотация
О. Генри. Прожигатель жизни

Аннотация

Введите сюда краткую аннотацию

О. Генри
Прожигатель жизни

Мне хотелось узнать пару-тройку вещей. Не люблю тайн. Посему я начал расследование.

Две недели ушло у меня на исследование того, что женщины носят в своих небольших плоских чемоданчиках. Потом меня занимало, почему матрац состоит из двух частей. Вначале мое такое серьезное расследование столкнулось с подозрением, потому что оно казалось всем головоломкой. В конце концов мне стало ясно, что такая двойная конструкция преследовала цель облегчить труд женщины, которая стелет постель. Я имел достаточно глупости, чтобы продолжать, и спрашивал у всех, почему в таком случае они не делаются с двумя одинаковыми частями, но все от меня испуганно сторонились.

Третьей вещью, которую я жаждал получить из фонтана знаний, было стремление непременно стать просвещенным по поводу такого человека, которого мы называем *Прожигателем жизни*. Мои представления о таком типе были крайне расплывчатыми, чего никак нельзя было допустить. Мы всегда должны иметь конкретное представление о чем бы то ни было, даже если речь идет о воображаемой идее, иначе всего этого не понять. Теперь у меня есть воображаемый портрет Джона Доу, такой четкий и ясный, словно

он гравирован на стальном листе. У него близорукие голубые глаза, он носит коричневую жилетку и блестящий черный сюртук из саржи. Он всегда стоит на солнцепеке и непременно что-то жует, его карманный нож полураскрыт, и он постоянно трогает его лезвие большим пальцем. Ну а что касается *Человека наверху*, то если его найдут, то можете мне поверить — это будет крупный, бледный мужчина с голубыми прожилками на запястьях под белыми манжетами, он будет чистить свои ботинки на улице, куда долетают звуки игры в шары, и в его облике будет что-то изумрудное.

Но воображение мое, когда нужно было описать портрет *Прожигателя жизни*, оказалось чрезвычайно скудным. Я представил себе, что у него презрительный смешок (как улыбка Чеширского кота) и пристегнутые манжеты, и это все.

После этого я спросил об этом одного газетчика, репортера.

— Ну, — начал он свое объяснение, — *Прожигатель жизни* — это нечто среднее между бездельником и завсегдатаем клуба. Это, правда, не совсем точно, но он похож на того, кого приглашает на приемы миссис Фиш и кто следит за частными боксерскими поединками. Он,

конечно, не принадлежит к клубу «Лотос» или Ассоциации Джерри Мак-Джорджана, учеников сталелитейщиков, выпускающих оцинкованную сталь, и любителей похлебки из моллюсков. Не знаю, право, как поточнее вам его описать. Вы увидите его повсюду, там, где что-то происходит. Да, я думаю, — это настоящий тип. Модно одевается по вечерам; знает каждого полицейского или официанта в городе по имени. Нет, он никогда не путешествует с крашенными перекисью водорода блондинками. Он всегда либо один, либо в компании с настоящим человеком.

На этом репортер оставил меня, и я стал сам углубляться в тему. К этому времени все три тысячи сто двадцать шесть электрических лампочек зажглись в Риальто. Мимо шли люди, но они меня не интересовали. Куртизанки жгли меня своими глазами, но ожогов на мне не оставалось. Мимо шли любители поесть, пешеходы, продавщицы, доверенные лица, попрошайки, актеры, дорожные работники, миллионеры, иностранцы — все они скользили, подпрыгивали, крались, шли вразвалочку, — но я их не замечал. Я их всех знал, я читал в их сердцах, они уже мне отслужили. Мне нужен был теперь *Прожигатель жизни*. Он был настоящим типом, и отказаться от него

было бы ошибкой, даже типографской! — так что нет! Будем продолжать.

Ну, что же, если продолжать, то с отступления нравственного порядка. В самый раз понаблюдать за семьей, читающей воскресную газету. Ненужные страницы уже отброшены. Папа с важным видом пристально разглядывает фотографию молодой девушки, которая занимается физическими упражнениями перед распахнутым настежь окном, она совершает опасные наклоны, но будет, будет! Мама старается найти недостающие буквы в слове — Н-ю Йо-к. Старшие девочки жадно изучают финансовые сообщения, так как какой-то молодой человек сказал, что в прошлое воскресенье он совершил умопомрачительную биржевую аферу. Вилли, восемнадцатилетний сынок, который посещает Нью-Йоркскую публичную школу, погружен в еженедельно появляющуюся статью о том, что можно сделать со старой рубашкой, так как надеется получить приз в соревновании по шитью в день их выпуска.

Бабушка уже два часа штудирует юмористическое приложение. А маленькая Тотти, совсем еще младенец, ловко ползает по страницам, где указаны сделки с недвижимостью.

Такая картина весьма приятна, и она призы-

вает меня скостить несколько строк в рассказе. Иначе пришлось бы говорить о горячительных напитках.

Я пошел в кафе и, пока мне смешивали мою выпивку, спросил у человека, хватающего еще теплый мой стакан после того, как я его выпиваю и ставлю на стойку, что он понимает под термином, эпитетом, описанием или характеристикой того, что называется *Прожигатель жизни*?

— Ну, — осторожно начал он, — это такой парень, который любит принимать участие в ночных тусовках, понимаете, это — увлекательный спорт, и тут не до тормозов — вот что это значит, как я думаю.

Я поблагодарил его и пошел прочь.

На тротуаре девушка из Армии Спасения побренчала своей коробкой для сбора подаяний возле моего кармана.

— Не могли бы вы мне сказать, — обратился я к ней, — приходилось ли вам когда-нибудь встречать такого человека, которого обычно называют *Прожигателем жизни*, во время своих ежедневных прогулок?

— Кажется, я знаю, кого вы имеете в виду, — ответила она с милой улыбкой. — Мы их постоянно видим в одних и тех же местах по ночам. Они

— пособники дьявола, и если бы солдаты любой армии хранили бы такую же верность присяге, как они ему, то их командиры были бы этим весьма довольны. Мы общаемся с ними, пытаемся выжать несколько пенни из этих исчадий во имя служения Господу.

Она снова забренчала железной коробкой, и я бросил в щель дайм.

Перед сияющим огнями отелем я увидел своего приятеля, литературного критика, который вылезал из экипажа. Казалось, он никуда не спешил, и я обратился к нему с тем же вопросом. Он мне искренне ответил, на что я и рассчитывал.

— Здесь, в Нью-Йорке, существует такой тип — *Прожигатель жизни*, — сказал он. — Этот термин мне хорошо знаком, но, по-моему, еще никто прежде не просил меня описать такого человека. Я сказал бы, недолго думая, что это такой человек, который безнадежно болен весьма распространенной у нас в Нью-Йорке болезнью — желанием все видеть и все знать. Он строго соблюдает все условности в одежде и в манерах, а в искусстве совать свой нос туда, куда его не просят, он может любому дать сто очков вперед: любопытной кошке, циветте или галке. Это человек, прогнавший всю богему из винных погребков на крышу сада и

с Хестер-стрит в Гарлем, таким образом в городе не осталось ни одного места, где они режут спагетти ножом. Все это сделал ваш *Прожигатель жизни*. Он всегда идет по следу чего-то нового. Он — воплощение любопытства, неблагоразумия, вездесущности. Для него были изобретены двухколесные экипажи, сигары с золотым ободком, а также музыка за обедом. Таких, как он, немного, и, хотя их — меньшинство, они все же заметны.

Я очень рад, что вы затронули эту тему, я чувствовал то влияние, которое оказывает эта ночная болезнь на наш город, но я никогда прежде этого не анализировал. Теперь я осознаю, что вашего *Прожигателя жизни* нужно было квалифицировать давным-давно. За ним всегда увязываются агенты по продаже вина и модели, рекламирующие одежду, а оркестр исполняет для него «Давайте отправимся все выше и выше!», а не Генделя. Он совершает свои обходы каждый вечер, а мы с вами его не замечаем, как слона в зоопарке. Когда грабят сигаретный киоск, он лишь с чувством собственного достоинства подмигивает полицейскому офицеру и спокойно уходит, свободный от всяких подозрений, а мы с вами роемся в записных книжках, ищем имена президентов или звезд, чтобы их сержант запи-

сал как тех, кто за нас поручится.

Мой друг, литературный критик, немного помолчал, чтобы скопить энергии для нового приступа красноречия. Я тут же воспользовался моментом.

— Вы верно его квалифицировали, — радостно воскликнул я. — Вы удачно нарисовали его портрет в галерее городских типов. Но мне нужно с таким встретиться лицом к лицу. Я должен изучить Прожигателя жизни, основываясь на сведениях из первых рук. Где я могу найти его? Как я его узнаю?

Но критик, видимо, меня не слышал, так как продолжал. А извозчик терпеливо ждал, когда он заплатит за проезд.

— Это — сублимация бесцеремонного вмешательства в разговор, это — экстракт резиновой липучки высшей пробы это — сконцентрированный, очищенный, непреодолимый, неизбежный дух Любопытства и Пытливой любознательности. Он дышит новой сенсацией. А когда его опыт истощается, принимается за исследование новых областей с такой неутомимостью, что…

— Простите меня, — перебил я его, — не могли бы вы представить мне такого типа? Это совершенно нечто новое для меня. Мне нужно его

изучить. И я обыщу весь город, покуда не найду его. Вероятно, его обиталище где-то здесь, на Бродвее.

— Я собираюсь здесь пообедать, — сказал мой друг. — Пойдемте со мной, и если там окажется *Прожигатель жизни*, я незаметно укажу вам его. Я знаю там почти всех завсегдатаев.

— Я тоже еще не обедал, но вы, надеюсь меня простите. Я с вами не пойду. Не хочу зря терять времени. Ибо я намерен сегодня же вечером найти *Прожигателя жизни*, даже если бы мне для этого пришлось прочесать весь Нью-Йорк от Бэттери до Кони-Айленда.

Я зашагал прочь от отеля по Бродвею. Мое расследование, связанное с этим типом, придавало вкус жизни, и я с особым удовольствием втягивал в ноздри воздух. Мне было так радостно находиться в этом громадном городе, таком сложном, таком различном. Не торопясь, с несколько напыщенным видом, я шел вперед, и сердце мое сильно колотилось в груди от сознания, что я — гражданин «великого Готхэма», как в шутку называют все Нью-Йорк, что я разделяю вместе с ним его великолепие, все его удовольствия, его славу и престиж.

Я решил перейти через улицу. Вдруг я услышал

жужжание, словно летала пчела, потом я совершил долгую приятную прогулку на автомобиле. Когда я открыл глаза, то, вспомнив запах бензина, громко произнес:

— Разве все еще не кончилось?

Больничная нянечка положила свою удивительно мягкую руку мне на горячий лоб. Пришел моложавый доктор, он, широко улыбнувшись, передал мне утреннюю газету.

— Хотите узнать, что случилось? — весело спросил он.

И я прочитал статью. После заголовка шли строчки, в которых рассказывалось о том, что приключилось со мной после того момента, когда я накануне вечером услышал пчелиное жужжание.

А статейка заканчивалась такими строками: «В больнице Бельвю утверждают, что полученные пациентом повреждения не очень серьезные. На вид этот человек — типичный *Прожигатель жизни*».

(Перевод Л. Каневского)